

Аполлон Дельфийский шлет привет Мигелю де Сервантесу Сааведра*

Податель сего, сеньор Панкрасьо де Ронсесвальес, расскажет Вам, сеньор Мигель де Сервантес, чем я был занят в тот день, когда он явился ко мне со своими друзьями. Я же скажу, что я Вами весьма недоволен, ибо Вы обошлись со мной неучтиво: Вы отбыли с нашей горы, не простившись ни со мною, ни с Музами, хотя Вам хорошо известно, как расположен к Вам я и, следовательно, мои дочери; впрочем, если Вы спешили на знаменитые неаполитанские торжества — повидаться со своим меценатом, великим графом Лемосским, то это причина уважительная, и я Вас прощаю.

После того, как Вы покинули наши края, на меня со всех сторон посыпались беды, и я очутился в весьма затруднительном положении, главным образом потому, что мне предстояло истребить и уничтожить потомство погибших на поле брани плохих поэтов, рождавшееся из их крови, но теперь, хвала небесам и моей находчивости, порядок уже восстановлен.

То ли от шума битвы, то ли от испарений, поднимающихся от земли, пропитанной вражьей кровью, у меня начались головокружения, и от них я словно бы поглупел и не могу сочинить ничего приятного и ничего полезного. А потому, если Ваша милость заметит там, у себя, что иные поэты, хотя бы из числа самых знаменитых, пишут и сочиняют всякий вздор и разные безделицы, то в вину им этого не ставьте, ниже пренебрегайте ими, но отнеситесь к ним снисходительно, ибо если уж я, отец и изобретатель поэзии, горожу чепуху и кажусь дурачком, то не удивительно, что кажутся таковыми и они.

Посылаю Вашей милости мой указ, содержащий в себе льготы, правила и наставления для поэтов; Вашей милости надлежит беречь его и исполнять буквально, для чего я предоставляю Вам все требующиеся законом полномочия.

Иные из поэтов, приехавших ко мне с сеньором Панкрасьо де Ронсесвальес, жаловались на то, что их нет в списке, посланном в Испанию Меркурием, а также на то, что Ваша милость ни словом о них не обмолвилась в своем Путешествии. Я им сказал, что виноват в этом я, а не Ваша милость, и что это поправимо при условии, если они прославят себя своими произведениями, ибо удачные произведения сами принесут им широкую известность и славу, и тогда им уже не придется выпрашивать себе похвалу.

Далее: если случится оказия, то я пришлю Вам грамоту с новыми льготами и уведомя обо всем, что произойдет на нашей горе. Ваша милость также, надеюсь, известит меня о своем здоровье, а равно и о здоровье всех своих приятелей.

Славному Висенте Эспинелю, одному из самых старых и верных моих друзей, прошу передать привет.

Если дон Франсиско де Кеведо еще не уехал в Сицилию, где его ожидают, то пожмите ему за меня руку и скажите, чтобы он не преминул со мной повидаться, — ведь он будет

от меня совсем близко,— а то когда я последний раз приезжал в Мадрид, вследствие его внезапного отъезда в Сицилию нам так и не удалось побеседовать.

Если Ваша милость встретится с кем-либо из тех двадцати, что перешли в стан врага, то не говорите ему ничего и не обижайте его: ему и без того не сладко, ибо перебежчики, подобно бесам, вечно пребывают в тоске и смятении.

Берегите, Ваша милость, свое здоровье, следите за собой и бойтесь меня, особенно в жаркую пору, ибо тогда я уже не помню себя и не считаюсь ни с дружескими своими привязанностями, ни с велениями долга.

С сеньором Панкрасьо де Ронсесвальес водите дружбу и передайте ему содержание этого письма; он богат и потому может позволить себе роскошь быть плохим поэтом. Засим да хранит господь Вашу милость, чего я Вам от души желаю.

*Парнас, 22 июля 1614 года — день, когда я надеваю шпоры, дабы подняться на Сириус.
Слуга Вашей милости светлейший Аполлон.*

На особом листе было написано следующее:

УКАЗ АПОЛЛОНА, СОДЕРЖАЩИЙ В СЕБЕ ЛЬГОТЫ, ПРАВИЛА И НАСТАВЛЕНИЯ ДЛЯ ИСПАНСКИХ ПОЭТОВ

Во-первых, поэтам, славящимся своею неопрятностью, надлежит прославиться также и своими стихами.

Item, если кто-либо из поэтов скажет, что он беден, то все должны верить ему на слово, не требуя от него никаких особых клятв и уверений.

Всем поэтам вменяется в обязанность иметь кроткий и тихий нрав, и пусть не гневаются они даже в том случае, если на чулках у них спустятся петли.

Item, если кто-либо из поэтов, зайдя к своему другу или знакомому, застанет его за принятием пищи и тот пригласит его к столу, а поэт поклянется, что уже ел, то не верить ему ни под каким видом, а принудить есть силой, каковое насилие особой неприятности ему не доставит.

Item, самый бедный из всех поэтов, каких только видывал свет со времен Адама и Мафусаила, имеет право сказать, что он влюблен, хотя бы это было и не так, и назвать свою даму как ему заблагорассудится: хочет — Амарилис, хочет — Анардой, хочет — Хлорой, хочет — Филисой, хочет — Филидой, даже Хуаной Тельес — словом, как ему вздумается; спрашивать же с него в сем случае резонов воспрещается.

Item, повелеваю — всех поэтов, независимо от их чина и звания, почитать за дворян, ибо право на то дает им их благородное занятие,— ведь и так называемых подкидышей принято у нас почитать за христиан.

Item, да остерегутся поэты сочинять стихи в честь принцев и вельмож, понеже ни лесть, ни ласкательство не должны переступать порог моего дома,— таково мое желание и таково мое последнее слово.

Item, тот комический поэт, коему посчастливилось увидеть на сцене три свои комедии,

имеет право бесплатно посещать театры и занимать стоячие места; по возможности же следует предоставлять ему бесплатно и сидячие.

Item, предупреждаю, что буде кто-либо из поэтов пожелает выдать в свет книгу своего сочинения, то пусть он не воображает, что, посвятив ее какому-либо монарху, тем самым он обеспечил ей успех, ибо если она плоха, то никакое посвящение ее не спасет, хотя бы она была посвящена настоятелю Гуадалупской обители.

Item, предупреждаю, что ни один поэт не должен стыдиться своего звания, ибо если он хорош, то он достоин похвалы, если же плох, то всё равно найдутся такие, которые его похвалят,— было бы корыто, и т. д.

Item, все хорошие поэты могут располагать мной и всем, что ни есть на небе, по своему благоусмотрению; настоящим доводится до их сведения, что они вольны приписывать свойства моих лучевидных кудрей волосам своей возлюбленной и уподоблять ее очи двум солнцам: таким образом, вместе со мной, их окажется три, и земля будет ярче освещена; звездами же, знаками Зодиака и планетами они могут пользоваться как им угодно, и так, незаметно для них самих, образуется новая небесная сфера.

Item, всякий поэт, которому собственные его стихи доказывают, что он поэт, волен чтить себя и глубоко уважать, согласно поговорке: дрянь тот, кто дрянью себя почитает.

Item, всем возвышенным поэтам воспрещается бродить по людным местам и читать свои стихи, ибо истинным питомцам вдохновения подобает читать их в афинских дворцах, а не на стогнах.

Item, матерям, у которых дети — шалуны и плаксы, особо рекомендуется пугать и страшить их новой буквой, а именно: «Берегитесь, дети! Вон идет поэт Имярек! Своими скверными стихами он вас живо загонит в тартарары».

Item, если в постный день поэт, сочиняя стихи, грыз ногти, то это отнюдь не значит, что он оскормился.

Item, если кто-либо из поэтов слывет драчуном, хвастунишкой и забиякой, то пусть он на этом славном поприще сломит себе шею и да отлетит от него слава, которую он мог бы стяжать хорошими стихами.

Item, предупреждаю, что поэта, который присвоил чужой стих, за вора почитать не следует, а вот если он украл чужую мысль или целую строфу, тогда он прямой Как.

Item, всякий хороший поэт,— хотя бы он и не сочинил героической поэмы и не наводнил мировую сцену великим множеством произведений,— за то немногое, что им создано, может получить название божественного, подобно Гарсиласо де ла Вега, Франсиско де Фигероа, полководцу Франсиско де Альдана и Эрнандо де Эррера.

Item, поэтам, пользующимся покровительством кого-либо из сильных мира сего, советую ходить к нему пореже, ничего не просить и всецело положиться на судьбу, ибо тот благодетель, который питает всех земляных и водяных червей, прокормит и поэта, будь он так же прожорлив, как червь.

Я прочитал вышеприведенный указ, переданный мне сеньором Панкрасьо де Ронсесвальес, и мы расстались друзьями, уговорившись в ответном послании сообщить господину Аполлону все столичные новости. Объявляю сие во всеобщее сведение, дабы

Письмо Аполлона Сервантесу

Автор: admin

05.01.2008 11:43 - Обновлено 14.01.2008 15:04

все его приверженцы последовали нашему примеру.

(*Из добавления к "Путешествию к Парнасу", **Мигель де Сервантес Сааведра, собрание сочинений в 5 томах т.4** издательство "Правда", Москва 1961 г.

P.S.

Не успел поставить этот материал, как Иван присылает такое вот стихотворение:

Нежность, как ветер, свежит мои веки.
Звезды в распутии небесных дорог.
Правда ль, на недосыгаемой Веге
Мой распустился цветок?

Годы, тревожно карабкаясь в горы,
Грузно волочат свой скарб.
Уж то ли, в реках далекой Авроры
Мой еще плещется карп?

В братской окопной блокадной квартире
Грустно. И даже во сне
Кажется, на золотом Альтаире
Вечность тоскует по мне!

А вот ещё копался в старых письмах и нашёл стих Надежды Панковой

Иногда я встаю во весь рост
И тогда вижу
-небо намного ярче, намного ближе

Письмо Аполлона Сервантесу

Автор: admin

05.01.2008 11:43 - Обновлено 14.01.2008 15:04

Кажется, небо висит на самом краю
...но долго стоять во весь рост я устаю...

Получается и через пятьсот лет указ Аполлона действует в том числе и на российских поэтов, так что предложения Маяковского из поэмы «Эй!»

.....

Сорвем ерунду пиджаков и манжет,
крахмальные груди раскрасим под панцирь,
загнем рукоять на столовом ноже,
и будем все хоть на день, да испанцы.

Чтоб все, забыв свой северный ум,
любились, дрались, волновались.
Эй!
Человек,
землю саму
зови на вальс!

Возьми и небо заново вышей,
новые звезды придумай и выставь,
чтоб, исступленно царапая крыши,
в небо карабкались души артистов.

Можно считать воплощенными в жизнь!